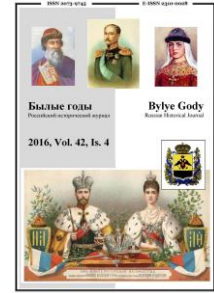

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1173-1181, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (47)

The Peasant-migrants from the Land-poor Russian Regions in Kalmykia in the XIX – the first half of XX centuries

Ekaterina N. Badmaeva ^{a, *}

^a Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, Russian Federation

Abstract

The problems of large-scale migration of population in contemporary Russia have deep historical roots. The author analyzes the research experience of migration processes in pre-revolutionary Russia and revealed key features and results of the migration of this period. The researchers of the pre-revolutionary period considered colonization as the process of settlement, peculiar to any historical situation; the process of migration from densely populated areas to places where they have been specifically populated and heavily adapted to the conditions of life. The article based on archival and published sources considers the process of population movement in the XIX – first half of the XX centuries in Kalmykia, associated with the crisis of the peasant economy, overpopulation of the Black earth provinces of European Russia and the high density of the rural population and low allotments. The special attention is given to the issue of land in the Kalmyk steppes of Astrakhan province, associated with the policy of the exemption of pasture and hay lands of the Russian state. The problems of colonization and resettlement are considered in close connection with the agricultural and other socio-economic issues.

The government policy on resettlement was twofold. Initially, the leadership spoke out against the unauthorized resettlement of Russian peasants, but in the end gradually legalized the latter. The government sought to improve the socio-economic situation of Russian peasants at the expense of resettlement in the Kalmyk land. At the same time the state allegedly took into account the interests of indigenous people and sought support among the Kalmyk noyons (princes) for its policies in the Kalmyk steppe. The resettlement process took place in stages and the process of penetration in the foreign language environment of the peasant-migrant had its own peculiarities due to the specific nature of the region, traditions and customs of the steppe nomads, the harsh climatic conditions.

Keywords: colonization, peasantry, land management, resettlement, agrarian reform, the Kalmyk steppe of the Astrakhan province, Kalmyk lands, nomadic economy, the village.

1. Введение

Проблемы масштабного переселения крестьян и колонизация российских окраин в XIX в., вне всякого сомнения, заслуживают пристального внимания историков и экономистов, социологов и политологов с целью глубокого и всестороннего изучения истории миграции России. В отечественной историографии бытует устойчивое мнение о том, что в связи с кризисным состоянием крестьянского хозяйства, перенаселением черноземных губерний Европейской России и высокой плотностью сельского населения, основные территории переселения крестьян в XIX – первой половине XX вв. находились в Сибири, на Урале и в Азиатской России. Между тем, Калмыкия, расположенная на юго-востоке Европейской части СССР, в дореволюционный период входила в число степных колонизируемых районов. На ее богатом историческом прошлом, современная наука, по нашему глубокому убеждению, может в полной мере представить историю переселенческой политики Российского государства в ее региональном аспекте, рассмотреть взаимодействие органов власти с крестьянством, показать влияние колонизационной политики на социально-экономические и

* Corresponding author

E-mail addresses: en-badmaeva@yandex.ru (E.N. Badmaeva)

демографические преобразования в Калмыкии, сложный, продолжительный во времени акт адаптации мигрантов к условиям колонизируемого региона, не менее сложный процесс вхождения переселенцев в новую среду обитания и их непростые взаимоотношения с коренным населением. Кроме того, обращая внимание на изучение этих актуальных вопросов невозможно не учитывать и последствия переселения, сказавшиеся на личной судьбе отдельного переселенца и всех переселенцев в целом, социально-экономическом развитии колонизируемого региона. Такой комплексный взгляд на проблему, безусловно, представляет, научный интерес и вызывает необходимость серьезных изысканий по проблеме крестьянских переселений в различных ее аспектах (экономическом, политическом, социальном, социально-психологическом). Актуальность заявленной проблематики обусловлена необходимостью изучения богатого опыта прошлого, который даст возможность найти ответы на многие актуальные проблемы миграции, трудовых ресурсов на современном этапе, которые играют огромную роль в социально-экономической сфере общества.

2. Материалы и методы

Важное значение имеет группа документов, сосредоточенных в фондах Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). В НА РК отложились фонды: ф. 1 — Канцелярии главного попечителя калмыцкого народа по заселению дорог; ф. 2 — Комиссии калмыцких дел; ф. 7 — Совета Астраханского калмыцкого управления; ф. 9 — Управления калмыцким народом. Они, являясь ценными историческими источниками, позволяют проанализировать решения местных властей по вопросам переселенческой политики, их реализацию, выявить региональную специфику. Также в исследовании привлечены опубликованные источники официального происхождения. Для решения поставленных задач использован разнообразный методологический инструментарий.

Исследование базируется на принципах и методах научного познания, его анализ опирается на общенаучный диалектический метод познания, предполагающего объективность и всесторонность познания исследуемых явлений и процессов с учетом их всеобщей взаимной связи. Так же использовались в работе метод анализа и обобщения фактического материала, принципы системности, комплексности, выделения общего и единичного.

Изложение научного исследования основано на проблемно-хронологическом принципе, дающего возможность выделения основных направлений крестьянской политики царской России, а также выявление ее реализации во временной последовательности на основных этапах ее проведения.

Магистральным условием достижения объективности в написании научной статьи явилось использование обстоятельного применения различных методов исторического исследования: историко-сравнительного, описательного, метода статистического анализа. Использование различных методов и принципов в совокупности обеспечило исследователю комплексный подход к написанию научной статьи.

3. Обсуждение

В объемной дореволюционной историографии переселение крестьян в первой половине XIX — начала XX вв. фиксируется как одно из основных и решающих значений для российского народа в целом, так и для народов России, проживавших на территории Российской империи. Крестьянские переселения в России указанного периода впервые были рассмотрены в работах А.А. Кауфмана, Н.М. Ядринцева, Н.П. Огановского и др. Нельзя также не отметить библиографическую работу П. Куркина, содержащую список работ по естественному движению населения 4-х губерний, в том числе Воронежской и Екатеринославской. Крестьяне именно этих губерний в значительном количестве переселялись в Калмыцкую степь Астраханской губернии. Н. Огановским подробно подсчитан удельный вес безземельных переселенцев в Российской империи в 1894–1899 гг., 1903–1906 гг., 1907–1911 гг. Среди работ регионального характера в дореволюционный период ярко выделяется исследование Я.П. Дуброва.

В советской историографии следует отметить исследование Н.Н. Пальмова, который детально проанализировал отдельные положения законодательных актов 1806 и 1846 г. и пришел к выводу о том, что указ о запрете селиться на калмыцких землях абсолютно не действовал. Одной из заслуг Н. Пальмова является подробное рассмотрение процесса постепенного ограничения прав калмыцкого народа российским правительством. Известный ученый, проф. У. Эрдниев на основе имеющихся материалов пришел к утверждению о том, что в XIX в. изъятие из калмыцких пастбищ громадного количества пригодной земли привело к значительному уменьшению кормовой базы калмыцкого скотоводства, экономическим трудностям. В 1960–1980-е гг. калмыцкие ученые Л.С. Бурчинова, А.Н. Команджаев, С.С. Белоусов и И.В. Борисенко (Бурчинова, 1968; Команджаев, 1982; Белоусов, 1989; и Борисенко, 1989) впервые проанализировали процесс складывания территории дореволюционной Калмыкии, как составной части России.

4. Результаты

После добровольного вхождения калмыков в состав российского государства, царское правительство старалось не допускать и не поощрять самовольного заселения отведенных калмыкам

земель. Так было вплоть до последней четверти XVIII в., когда вопреки правительственным запретам, окраины Калмыцкой степи Астраханской губ. и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии стали заселяться русскими и украинскими крестьянами. Первоначально они поселялись отдельно в небольших хуторах, не зарегистрированных в официальных документах и отчетах. Границы земель, самовольно занятых пришлыми крестьянами, также не были определены, что, впрочем, не мешало им заниматься хозяйственной деятельностью. Местная администрация мало обращала внимания на появившиеся в Калмыцкой степи поселения русских и украинских крестьян, добрососедски проживавших рядом на территории степных кочевников. Такие поселения новоприбывших крестьян продолжали появляться и расширяться в Калмыцкой степи в течение первой половины XIX в., несмотря на ограничения, установленные царским правительством в «Положение об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и Саратовской» (Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX), принятом в 1806 г. Этим документом запрещалось «посторонним» без разрешения центрального правительства селиться на калмыцких землях, даже вводилась система пропускных билетов для въезда в Калмыцкую степь (Очерки истории, 1967: 299). Введенные регламентирующие ограничения, также подтвержденные позднее в другом законодательном акте — «Положение об управлении калмыцким народом» от 23 апреля 1847 г., обуславливались усиливающимся несанкционированным властями заселением калмыцких земель русскими и украинскими крестьянами. Правительство всерьез опасалось возможных осложнений из-за земельных споров между кочевниками и пришлыми крестьянами, также попытки повторного ухода оставшейся части калмыков на историческую родину, в Джунгарию из-за сужения района калмыцких кочевий в результате постепенной экспансии их территории. Вторичный исход степных кочевников был невыгоден центральной власти, так как в тот период калмыки играли важную стратегическую роль в деле защиты южных границ Российской империи. Вмешательство правительства в решение земельных проблем в интересах степных кочевников должно было умиротворить калмыцкую знать и убедить их в действительной заботе и решимости царского правительства защищать калмыцкие земли от хищнического захватничества. Однако, как видим, система административных установлений и запретов на самом деле не действовала, стихийное бесконтрольное заселение калмыцких земель продолжалось.

Переселение крестьян и самозахват территории калмыцких земель, как правило, производились преимущественно на землях, пригодных для земледелия. Пришельцев привлекали в основном Ергени и территория Большедербетовского улуса — наиболее плодородные земли региона. В начале XIX в. в северной части Ергеней крестьянами-переселенцами из внутренних малоземельных губерний России были основаны такие поселения, как Большие и Малые Чапурники, Цаца, Дубовый овраг. В 1828 г. крестьяне Воронежской губернии самовольно захватили 40141 дес. земли урочища Аксайского, принадлежащего калмыкам Малодербетовского улуса и основали там поселок (Пальмов, 1925: 125, 131). Все попытки Астраханской комиссии калмыцких дел (далее АККД) вернуть земли калмыкам не увенчались успехом, более того, многие переселенцы обзавелись солидным хозяйством и в конце концов «... в повинностях государственных и общественных сделали примерными поселенцами в Астраханской губернии» (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 35. Л. 145об.). Они приняли на себя обязательства ежегодно оплачивать в казну по 30 коп. с десятины удобной и по 10 коп. с десятины неудобной земли (Пальмов, 1925: 131). Исправно платя налоги государству, большинство пришлых поселенцев урочища Аксайского легитимировались. Своевременная уплата налогов и пошлин стала основанием отмежевания значительных участков степи в 1830—1840-е гг. поселенцам таких селений, как Цаца, Дубовый овраг, Большие и Малые Чапурники, основанные еще в начале XIX в. (Очерки истории, 1967: 200).

Прибывшие на поселение в 1827 г. в Астраханскую губернию с ведома местных властей 70 крестьян сел Буйлова и Гнилуши Воронежской губернии основали на калмыцких землях селение Аксайское (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 162). Переселенцев первоначально вселили в селе Сасыкольском, позволили им пользоваться земельными и сенокосными угодьями местных жителей. Вскоре нехватка земли стала причиной раздора между поселенцами и сасыкольскими крестьянами. По решению астраханской казенной палаты новоприбывшие крестьяне покинули селение и разместились в 12 верстах от села Сасыкольское на 3000 дес. калмыцких кочевий, которая оказалась непригодной для выращивания сельскохозяйственных культур (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 34об.). Астраханская казенная палата (далее АКП) выбрала компромиссный на ее взгляд вариант и направила в соответствующие компетентные инстанции прошение об оставлении поселенцев в селении Сасыкольское. При этом АКП просила выделить им из калмыцких кочевий новые земли в виде 15-десятинной пропорцией земли, пригодной к хлебопашеству (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 35об.). Калмыкам взамен предлагалось выделить казенные земли. АККД отказал в указанной выше просьбе АКП, основываясь на законе 1806 г. «Положение об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и Саратовской». Переселенцы остались проживать на прежних местах, им разрешили пользоваться калмыцкими землями. Более того, через несколько лет они получили поддержку от Астраханской палаты государственных имуществ, получившей полномочия упрощенной АККД. В этой ситуации непосредственно повел себя Совет Астраханского калмыцкого управления, который в принципе должен защищать интересы калмыцких

крестьян. Данный госорган, заручившись поддержкой Министерства государственных имуществ, разрешил самовольным переселенцам остаться на калмыцких землях. В представлении, направленном в Астраханскую палату государственных имуществ от 2 июня 1841 г., говорилось: «... что хотя не находит со своей стороны препятствий на оставлении крестьян на калмыцкой земле, но вместе с тем не считает себя вправе отменить прежнего своего заключения» (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 369об.). В результате соглашательской политики Совета калмыцкого управления и тенденциозного отношения государственных органов к проблемам калмыцкого народа, его население лишилось 5393 дес., 2000 саж. земли, из которых больше половины (2665 дес. 2232 саж.) по своим качественным характеристикам подходили для ведения земледелия (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 256).

Это были не единичные случаи пренебрежения государственными органами законных интересов калмыцкого населения, ставшие обыденным явлением в повседневной жизни. Так, в 1828 г. Кавказская казенная палата в нарушении действующего закона отдала в оброчную статью 4339 дес. земли, которая прежде использовалась местным населением для прогона скота к реке Куме. Новыми владельцами земли стали пришлые крестьяне соседних поселений — Покойного, Прасковей и Новоселицы. На отданной им земле они самовольно распахали целину и позже основали хуторские поселения. Эти действия проводились, несмотря на требование Министерства внутренних дел в 1833 г. Кавказской межевой комиссии возвратит калмыкам прогон для скота к реке Куме и снести расположенные там хутора. Калмыцким крестьянам вернуть потерянные земли не удалось, а образованные поселенцами хутора так и остались на прежнем месте (НА РК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4. Л. 10б.).

Процесс самозахвата калмыцких земель, в том числе крестьянами из соседних сел, происходил и в земледельческом Большедербетовском улусе Ставропольской губернии, где располагались кочевья калмыков. Переселенцами были образованы хутора, ставшие впоследствии центрами крупных уездов губернии — Медвеженский и Новогеоргиевский (Дуброва, 1899: 27).

С конца 1840-х гг. в заселении Калмыкии наступил новый этап. Государство поменяло вектор своей политики и разрешило организованное переселение исключительно государственных крестьян и на жестко отведенные им места. Твердые гарантии на устройство в новом месте имели крестьяне-переселенцы, прибывшие по вызову, в некоторых случаях также те, кто имел увольнительную от обществ в местах своего прежнего проживания. Такие государственные крестьяне официально легализовались, имели право переселения на калмыцкие земли, оседание, прописку, получение пособий, ссуд и т.п. Легализация переселения крестьян стала еще одной попыткой привязать переселение к правительственной колонизации.

Рассмотрение переселенческого движения в указанный период невозможно без рассмотрения реализации указа 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». Указом была поставлена задача создания 44 станиц у дорог, пролегающих через калмыцкие кочевья. В этот период МГИ было заинтересовано заселить не только калмыков, в целях перевода их на кочевой образ жизни, но и решить вопрос о земельном устройстве государственных крестьян из аграрно-перенаселенных мест Воронежской и Екатеринославской губерний. Позднее, на поселение в Калмыцкую степь плавно присоединили крестьян Таврической, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской, Тульской, Тамбовской, Саратовской и других малоземельных губерний. При заселении им выделялись: денежное пособие в размере 35 руб., 30 дес. земли, они также на 8 лет освобождались от уплаты налогов (ПСЗ Российской империи. Т. XXXI: 725). В дальнейшем новоприбывшие крестьяне составили основу населения станиц и поселений, находящихся на территории региона, вдоль дорожных трактов. Что касается идеи привлечения калмыков на место жительства вдоль тракта и перехода их на оседлость, отметим, что такие попытки не увенчались успехом, как отмечается в историческом исследовании советского времени, опыт привлечения калмыков к оседлости был неудачным (Очерки истории, 1967: 315).

В рамках реализации указа, были созданы жилые поселки (станции) на стратегически важных объектах — Царицынско-Ставропольском тракте, включающем земли Ергенинской возвышенности; Аксайской дороги, соединяющей Волгу с Доном (село Цаца до станицы Нижнечирской); луговой части калмыцких кочевий (вдоль левого берега Ахтубы); Кизлярском тракте, соединяющей Астрахань с Кавказской линией. В 1848 г. удалось создать 4 станицы на Аксайской дороге и вдоль Царицынско-Ставропольского тракта в количестве 130 семей, а в 1849 г. там проживали уже 330 крестьянских семей. Местом их жительства стали 12 новых станичных поселений: станица Плодовитое на Аксайской дороге, у речки Ластва, где жили в основном крестьяне Воронежской губернии; станицы Киселевское, Заветное, Ремонтное (Джурак), Кормовой (Кицен-Бурук) и Приютное (Амта-Нур), Хошеутово, Княжево и Удачное. В станице Промысловской у Кизлярского тракта первыми жителями стали русские переселенцы, юртовские татары и калмыки. В 1855 г. статистическим отделом Департамента сельского хозяйства в «Журнале Министерства государственных имуществ» был опубликован отчет «Заселение дорог в Калмыцкой степи». На учет были взяты 23 станицы с количественным составом 1387 семей переселенческих крестьян и 245 калмыков (Борисенко, 1989: 64-68). Всего у дорог калмыцких кочевий было создано 27 станиц из 44 запланированных. К 1864 г. в поселениях, расположенных на Царицынско-Ставропольском тракте, в общей сложности проживало уже 11893 крестьян. В Астраханской губернии, на так называемом Линейном тракте, к 1864 г. было

основано 8 селений с населением в 3458 чел. В 1866 г. в районе Крымского тракта в поселениях Улан-Эрге, Булгун-Сала, Кюрюльте, Элисте, Шандасте и Кише заселилось 358 чел. (Борисенко, 1989: 71)

МГИ было заинтересовано в скорейшем заселении станиц, обеспечении производства рабочими руками и по этой причине шло на легализацию самовольных переселенцев. Более-менее жесткий заслон был поставлен только перед беглыми переселенцами, скрывающимися от властей за правонарушения, совершенные в местах прежнего обитания. Только в 1852 г. 38 семей переселенцев, ранее проживавших лишь в одном округе Екатеринославской губернии — Александровском, укрывались от отбытия рекрутской повинности и числящихся за ними недоимок (НА РК. Ф. 7. Оп. 5. Д. 49. Л. 50б. - 6, 60б.).

Местные власти проявляли особую бдительность при выявлении скрывающихся от закона переселенцев. Главный попечитель калмыцкого народа в донесении от 11 марта 1852 г. в МГИ сообщал об обнаружении при объезде в 1850 г. станиц немалого числа нелегальных переселенцев, которые будучи высланными после переписи из пределов области Войска Донского, где они находились на заработках, примкнули к переселенцам, направляющимся в Калмыкию (НА РК. Ф. 7. Оп. 6. Д. 99. Л. 20б.). 25 октября 1852 г. им же издано предписание, направленное на недопустимость водворения крестьян, не имевших официального разрешения, даже при наличии паспорта и прошения, а крестьян, не имевших и этого — передавать полиции (НА РК. Ф. 7. Оп. 6. Д. 9. Л. 9).

Массовая колонизация Калмыцкой Степи еще более интенсивно стала проводиться после реформы 1861 г., положившей начало процессу разорения и быстрого обнищания российских крестьян в центральных губерниях, главным образом в результате малоземелья. Как отмечал в своей работе еще в 1928 г. Н.А. Рожков: «Средний крестьянский надел в России в период с 1860 г. по 1880 г. уменьшился с 4,8 до 3,5 десятины (почти на 30 %), появилось множество разорившихся крестьян, сельских пролетариев, живших случайными заработками...» (Рожков, 1928: 45).

Нехватка земли, полуголодное существование, мнимое, а не действительное «освобождение» крестьян стали причиной крестьянских выступлений в западных, центральных черноземных и нечерноземных, южнорусских губерниях страны. Безземельные и разорившиеся крестьяне для спасения своих семей стали стихийно, в массовом порядке, переселяться в малозаселенные окраины российской империи. Правительство на первых порах отрицательно относилось к крестьянским переселениям, так как оно считало необходимым «обеспечение помещиков старых земледельческих районов дешевыми рабочими руками». Потому «переселенческий вопрос» практически еще двадцать лет не решался в правовом порядке на государственном уровне. Царское Правительство с опозданием, идя вслед за уже идущим процессом переселения, приняло ряд правовых актов — положения и законы по переселенческим вопросам 1881, 1889, 1904 и 1906 гг. Этими документами было положено начало государственной переселенческой политике. Основные места выхода охватывали аграрно-переселенческие черноземные губернии Европейской России (Полтавскую, Курскую, Черниговскую, Воронежскую, Могилевскую, Харьковскую, Киевскую, Орловскую, Самарскую, Витебскую, Екатеринославскую и др.) с высокой плотностью сельского населения и низкими земельными наделами (Ямзин, 1912: 15–16). Переселялись крестьяне этих губерний в основном на окраинные земли России, где из-за нехватки земли происходили спорные конфликты между местным и пришлым населением. Заселение крестьянами новых поселений в Калмыцкой Степи также происходило не так гладко, как докладывали местные руководители в Министерство государственных имуществ. Новоприбывшие поселенцы в большинстве своем не учитывали при заселении калмыцких земель специфики проживания в суровых калмыцких степях и не предполагали о том, что возникнут определенные трудности в земледелии, поскольку местное население занималось исключительно кочевым образом жизни и разведением скотоводства. Взаимопроникновение культурных и бытовых элементов между калмыцкими и переселенческими обществами не всегда находили тесный контакт, ввиду природной замкнутости калмыка и элементарного незнания русского языка простого малограмотного степняка. Пришлые крестьяне, зачастую в поисках лучшей жизни, бросали свое жилье и уходили в более благодатные, по их мнению, места.

В 1860 г., в связи с проведенными пограничными преобразованиями на Северном Кавказе, в очередной раз часть лучших калмыцких земель, а также территория самовольных поселений пришлых крестьян были отданы в подчинение Ставропольской губернии (станции Дивная, Дербетовская, Урожайная, Величаявая и др.). В 1863–1873 гг. в Ставропольской губернии было проведено размежевание крестьянских поселений с улусами, несколько приостановившая приток переселенцев на калмыцкие земли Большедербетовского улуса. В пределах калмыцких кочевий Астраханской губернии оставалось порядка 20 станичных поселений. По данным переселенческой статистики, в 1870-е гг. крестьян, переселившихся в Калмыцкую степь, насчитывалось 18411 душ или 3410 дворов. В 1904 г. в 13-ти переселенческих селах Черноярского уезда проживало 43349 душ крестьян, а всего в 20 поселениях насчитывалось 63044 жителя (Вся Астрахань и весь Астраханский край, 1904). Переселенцы в основном старались селиться в хуторах, там, где были наиболее благоприятные почвы и климат для освоения земледелия. Такие места большей частью находились в направлении Аксайской дороги и Царицынско-Ставропольского тракта. В 1910 г. в этих местностях

насчитывалось 14 хуторов, в общей сложности составляющих 875 дворов с общей численностью в 8073 чел. В некоторых селах численность поселенцев доходила до 3913 душ.

Основным видом трудовых занятий перекочевавших русских и украинских крестьян в Калмыцкой Степи являлось земледелие и скотоводство. Ставропольские поселенцы широко использовали аренду земли у калмыков Большедербетовского улуса. В 1895 г. русские крестьяне арендовали у большедербетовцев под распашку 10058 дес. земли, они владели большим, чем калмыки, количеством скота. Русские и украинские крестьяне разводили частные сады, огороды, вели высеивание ярового и озимого хлеба, что свидетельствует о комплексе агрокультурных мероприятий, проводимых инородными. В хозяйственной деятельности переселенцы активно взаимодействовали с местным населением, делились своим накопленным опытом, в особенности земледельческим, в то же время перенимали у калмыков их богатые навыки разведения крупного рогатого и мелкого скота, кочевого пастбищного животноводства в специфических природно-климатических условиях региона.

Помимо русского и украинского крестьянства в калмыцкие степи переселялись и представители других национальностей. В 1880-е гг. в Большедербетовском улусе появились два оседлых поселения – Эсто-Хагинское (Либенталь) и Немецко-Хагинское (с. Ульяновка), возникшие на землях у речки Хагин Сала и балки Овсауль Кюль (Джуве). Первое поселение было основано «эстами» и немцами из Эстлянской и Лифляндской губерний, также проживали крестьяне Екатеринославской губернии, второе поселение – немцами из Бессарабии, Черниговской губернии и переселенцами из Саратовской губернии (Твалчрелидзе, 1897: 634). В 1893 г. в Эсто-Хагинке насчитывалось 84 двора, из них 224 чел. составляло местное население и 55 чел инородных; в Нем-Хагинке соответственно 199 дворов, 1179 коренных жителей и 23 инородных. В 1904 г. в Эсто-Хагинке проживало 774 чел., в Нем-Хагинке – 1820 чел. В 1906 г. в Эсто-Хагинке было образовано «Общество народного образования», «Общество трезвости», существовал драмкружок, мужской и женский хоры (Иваненко, 1977: 1). Отметим, в Калмыкии в это время большая часть населения вообще была неграмотной. Как видим, с 1880-х гг. в переселенческом движении наблюдаются количественные и качественные изменения. На рубеже 1910-х гг. возникла необходимость урегулирования отношений крестьян-переселенцев и местного населения в местах заселения. Задача следующего этапа состояла в применении накопленного опыта с учетом трансформировавшихся общественно-политических условий.

5. Заключение

Вышеизложенное позволяет нам сделать некоторые выводы по истории переселения в калмыцкие земли русско-украинских крестьян. На первом этапе заселение происходило стихийно и самовольно, в дальнейшем переселенческий процесс был более-менее упорядочен. Государственная политика по переселению носила двойственный характер. Вначале руководство выступало против самовольных переселений крестьян, но в итоге постепенно их легализовало. Правительство стремилось поправить социально-экономическое положение русских крестьян малоземельных губерний за счет переселения на калмыцкие земли. Русско-украинская переселенческая диаспора в Калмыцкой степи состояла из бывших жителей более чем из 10 губерний Российской империи. Одновременно государство, якобы, учитывало интересы коренных жителей и искало поддержку среди калмыцких нойонов (князей) для проведения своей политики в Калмыцкой степи. Процесс переселения проходил поэтапно и процесс проникновения в иноязычную среду крестьянина-переселенца имел свои особенности, обусловленные спецификой региона, традициями и обычаями степных кочевников, суровыми природно-климатическими условиями.

Основным видом трудовой деятельности переселенцев являлось земледелие и скотоводство, где в первом – богатый опыт имели переселенцы, во втором – калмыцкое население. В 1880-е гг. на территории калмыцких кочевий появились немецкие и эстонские поселенцы, отличавшиеся усердием и трудолюбием, четкой организацией труда, богатым культурным наследием. В начале XX в. население переселенцев в Калмыкии составило около 80 тыс. чел.

Как положительный момент колонизации окраин, следует отметить, что переселение крестьян в новые для них места ослабило малоземелье в центральных губерниях и в определенной степени предотвратило крестьянскую революцию в России. Данный процесс сыграл важную роль в проникновении капиталистических отношений в калмыцкой деревне, что было немаловажно для развития ее сельского хозяйства. Потомки тех первых переселенцев, оставшихся для проживания в степном регионе, сегодня составляют значительную часть населения Республики Калмыкия – одного из субъектов Российской Федерации.

Литература

Белоусов, 1989 – Белоусов С.С. Стихийные крестьянские переселения в Калмыкию в первой половине XIX века // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста, 1989. С. 51–62.

Борисенко, 1989 – Борисенко И.В. Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Элиста, 1989. С. 63–89.

- Бурчинова, 1968** – *Бурчинова Л.С.* Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Серия историч. 1968. №3.
- Вся Астрахань, 1904** – Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1905. Справочный отдел. Астрахань, 1904.
- Воцинин, 1912** – *Воцинин В.П.* Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб, 1912.
- Дуброва, 1899**– *Дуброва Я.П.* Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XV, вып. 1–2, Казань, 1899.
- Иваненко, 1917** – *Иваненко А.* Из прошлого // Зори Маньча, 1977. 12 февраля.
- Кауфман, 1905** – *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905. 439 с.
- Кауфман, 1917** – *Кауфман А.А.* Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1917–1918. 332 с.
- Команджаев, 1982** – *Команджаев А.Н.* О месте переселенческого хозяйства в аграрной эволюции Калмыкии // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982.
- Куркин, 1904** – *Куркин П.И.* Земская санитарная статистика (Опыт систематической библиографии). Вып. I. Земская статистика вообще и санитарная статистика в губерниях Воронежской, Вологодской, Екатеринославской и Курской. М., 1904. VIII. 127 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия
- Огановский, 1914** – *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I. Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914.
- Очерки истории, 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 431 с.
- Пальмов, 1925** – *Пальмов Н.Н.* Обоседление калмыков и русская эмиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. Астрахань, 1925. № 2–3.
- ПСЗ, 1914** – Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ Российской империи). Собрание третье. Т. XXIX. № 22135. Отд. 2, № 20758. СПб., 1914. 902 с.
- Рожков, 1928** – *Рожков Н.А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). 2-е изд. Л., М.: Книга, 1928. Т. II: Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века.
- Твалчрелидзе, 1897** – *Твалчрелидзе А.И.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 634–637.
- Эрдниева, 1976** – *Эрдниева У.Э.* К истории землепользования Калмыкии // Вестник института. Серия историческая. 1976. № 15. С.27–38.
- Ядринцев, 1892** – *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1892. 720 с.
- Ямзин, 1912** – *Ямзин И.Л.* Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев: Типография Императорского ун-та св. Владимира, 1912.

References

- Belousov, 1989** – *Belousov S.S.* Stihijnye krest'janskije pereselenija v Kalmykiju v pervoj polovine XIX veka [Spontaneous peasant resettlement in the Republic of Kalmykia in the first half of the XIX century] // Social'no-jekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krest'janstva Kalmykii v dooktjabr'skij period. Jelista, 1989. S. 51–62.
- Borisenko, 1989** – *Borisenko I.V.* Russko-ukrainskaja pereselencheskaja derevnja Kalmyckoj stepi: puti vznikovenija i razvitija (seredina XIX v. – 1917 g.) [Russian-Ukrainian resettlement village the Kalmyk steppe: way of the emergence and development (mid-nineteenth century – 1917)] // Social'no-jekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krest'janstva Kalmykii v dooktjabr'skij period. Jelista, 1989: 63–89.
- Burchinova, 1968** – *Burchinova L.S.* Kolonial'naja politika carizma v Kalmykii v russkoj istoriografii [Colonial policy of tsarism in Kalmykia in the Russian historiography] // Vestnik Kalmyckogo NIIJaLI. Serija istorich. №3. Jelista, 1968.
- Vsja Astrahan', 1904** – *Vsja Astrahan' i ves' Astrahanskij kraj.* Pamjatnaja knizhka Astrahanskoj gubernii na 1905. Spravochnyj otdel. [All Astrakhan and the entire Astrakhan region. The memorable book of the Astrakhan province in 1905]. Astrahan', 1904.
- Voshhinin, 1912** – *Voshhinin V.P.* Pereselencheskij vopros v Gosudarstvennoj Dume III sozyva. Itogi i perspektivy [The resettlement question in the State Duma of III convocation. Results and prospects]. SPb., 1912.
- Dubrova, 1899** – *Dubrova Ja.P.* Byt kalmykov Stavropol'skoj gubernii do izdanija zakona 15 marta 1892 [The life of the Kalmyks of the Stavropol province to the publication of the law March 15, 1892] // Izvestija obshhestva arheologii, istorii i jetnografii pri Kazanskom universitete. T. XV, vyp. 1–2, Kazan', 1899.
- Ivanenko, 1917** – *Ivanenko A.* Iz proshlogo [From the past] // Zori Manycha, 1977. 12 fevralja.

- Kaufman, 1905** – Kaufman A.A. Pereselenie i kolonizacija [Resettlement and colonization]. SPb., 1905. 439 s.
- Kaufman, 1917** – Kaufman A.A. Voprosy jekonomiki i statistiki krest'janskogo hozjajstva [The field of Economics and statistics of the farm]. M., 1917–1918. 332 s.
- Komandzhaev, 1982** – Komandzhaev A.N. O meste pereselencheskogo hozjajstva v agrarnoj jevoljucii Kalmykii [The place of the resettlement farms in the agrarian evolution of Kalmykia] // Problemy agrarnoj istorii dorevoljucionnoj Kalmykii. Jelista: KNIIFJe, 1982.
- Kurkin, 1904** – Kurkin P.I. Zemskaja sanitarnaja statistika (Opyt sistematičeskoj bibliografii). Vyp. I. Zemskaja statistika voobshhe i sanitarnaja statistika v gubernijah Voronezhskoj, Vologodskoj, Ekaterinoslavskoj i Kurskoj [Zemstvo sanitary statistics (Experience systematic bibliography). Vol. I. Zemstvo statistics in General and health care statistics in the provinces of Voronezh, Vologda, Ekaterinoslav, and Kursk]. M., 1904. VIII. 127 s.
- NA PK** – Nacional'nyj arhiv Respubliki Kalmykija [The national archives of the Republic of Kalmykia].
- Oganovskij, 1914** – Oganovskij N.P. Zakonomernost' agrarnoj jevoljucii. T. III. Obnovlenie zemledel'českoj Rossii i agrarnaja politika. Vyp. I. Naselenie. Pereselenčeskij vopros [The pattern of agrarian evolution. T. III. Update agricultural Russia and agricultural policy. Vol. I. The Population. The resettlement question]. Saratov, 1914.
- Očerki istorii, 1967** – Očerki istorii Kalmyckoj ASSR. Dooktjabr'skij period [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. Pre-October period]. M.: Nauka, 1967. 431 s.
- Pal'mov, 1925** – Pal'mov N.N. Obosedlenie kalmykov i russkaja jemigracija v Kalmyckuju step' [Abaseline Kalmykov and the Russian emigration in the Kalmyk steppe] // Kalmyckaja oblast'. Astrahan', 1925. № 2–3.
- PSZ, 1914** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (dalee PSZ Rossijskoj imperii). Sobranie tret'e. T. XXIX. № 22135. Otd. 2, № 20758 [Meeting the third. T. XXIX. No. 22135. Otd. 2, No. 20758]. SPb, 1914. 902 s.
- Rozhkov, 1928** – Rozhkov N. A. Russkaja istorija v sravnitel'no-istoričeskom osvешhenii: (Osnovy social'noj dinamiki). 2-e izd. [Russian history in comparative-historical light: (the Basics of social dynamics)] L., M.: Kniga, 1928. T. II: Proizvodstvennyj kapitalizm i revoljucionnoe dvizhenie v Rossii vtoroj poloviny XIX i nachala XX veka. S. 328.
- Tvalchrelidze, 1897** – Tvalchrelidze A.I. Stavropol'skaja gubernija v statističeskom, geografičeskom, istoričeskom i sel'skohozjajstvennom otnoshenijah [Stavropol province in the statistical, geographical, historical and agricultural relations]. Stavropol', 1897. S. 634–637.
- Jerdniev, 1976** – Jerdniev U.Je. K istorii zemlepol'zovanija Kalmykii [Land use history of Kalmykia] // Vestnik instituta. № 15. Serija istoričeskaja. Jelista, 1976. S. 27–38.
- Jadrincev, 1892** – Jadrincev N.M. Sibir' kak kolonija v geografičeskom, jetnografičeskom i istoričeskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. 2-oe izd., ispr. i dop. SPb, 1892. 720 s.
- Jamzin, 1912** – Jamzin I.L. Pereselenčeskoe dvizhenie v Rossii s momenta osvoboždenija krest'jan [Resettlement movement in Russia since the emancipation of the serfs]. Kiev: Tipografija Imperatorskogo un-ta sv. Vladimira, 1912.

УДК 94 (47)

Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX – первой половине XX вв.

Екатерина Николаевна Бадмаева ^{а, *}

^а Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Российская Федерация

Аннотация. Проблемы масштабной миграции населения в современной России имеют глубокие исторические корни. Автором подробно проанализирован опыт исследования миграционных процессов в дореволюционной России и выявлены узловые особенности и итоги переселенческого движения этого периода, связанные с кризисным состоянием крестьянского хозяйства, перенаселением черноземных губерний Европейской России и высокой плотностью сельского населения, а также низкими земельными наделами. В современной историографии, освобожденной от идеологического догмата, переселенческая политика в дореволюционный период изучается с самых разных сторон, с привлечением ранее недоступных источников, что дает возможность с объективных сторон рассмотреть историю переселенчества в царской России и роль русского крестьянства в социально-экономическом и политическом развитии национальных окраин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: en-badmaeva@yandex.ru (Е.Н. Бадмаева)

В данной статье на основе архивных и опубликованных источников рассматривается процесс передвижения населения в XIX – первой половине XX вв. в Калмыкии. Процесс переселения в Калмыцкой степи и Большедербетовском улусе Ставропольской губернии, где находились кочевнические угодья калмыков, проходил поэтапно и процесс проникновения в иноязычную среду крестьянина-переселенца имел свои особенности, обусловленные спецификой региона, традициями и обычаями степных кочевников, суровыми природно-климатическими условиями. Особое внимание уделяется вопросу землепользования в Калмыцкой степи Астраханской губернии, анализируется политика российского государства по изъятию пастбищных и сенокосных угодий степных кочевников. Проблемы колонизации и переселений рассматриваются в тесной связи с аграрными и другими социально-экономическими вопросами.

Ключевые слова: колонизация, крестьянство, землепользование, переселение, аграрная реформа, Калмыцкая степь Астраханской губернии, калмыцкие земли, кочевое хозяйство, деревня.